

Сыту, сопровождаемый Хуан Баньсянем, Му Линем, Цзян Цином и несколькими подчинёнными, под руководством слуг прибыл в огромный внутренний двор усадьбы.

Стоит отметить, что Цзинь Хэмин, будучи одним из богатейших людей в мире, создал поистине роскошный двор. Даже императорский дворец не мог бы сравниться с этим. Второй принц, поражённый, широко раскрыл рот, озираясь по сторонам, что только подчёркивало величие места. Князь Жуй, напротив, оставался спокоен, сидя на второстепенном месте и наливая принцу вино. Его лицо выражало учтивость, но в глазах читалась холодность.

Сыту и его спутники оказались последними, кто прибыл на место, что привлекло немало внимания.

Хуан Баньсянь шёл за Сыту, стараясь держать голову опущенной. Однако слухи о том, что этот юноша — Живой небожитель, уже разнеслись по усадьбе. Люди перешёптывались, бросая на него взгляды, полные любопытства и оценивающего интереса.

В этот момент раздался громкий звук, и человек за одним из столов резко встал. Его движение было настолько резким, что стол перед ним опрокинулся, рассыпав несколько бокалов.

Однако человек, казалось, не обратил на это внимания, его взгляд был прикован к Хуан Баньсяню. Услышав шум, Сыту и остальные обернулись. Встретившись глазами с тем человеком, Хуан Баньсянь вздрогнул...

Это был мужчина лет тридцати с лишним, с бородой, тёмной и грубоватой кожей. Его внешность нельзя было назвать уродливой, но тяжёлая аура убийства, исходившая от него, а также шрам длиной в несколько сантиметров под левым глазом делали его пугающим.

Он был одет в кожаный доспех и чёрный плащ, что выдавало в нём военного.

Хуан Баньсянь никогда раньше его не видел, но, почувствовав на себе пристальный взгляд, невольно содрогнулся и инстинктивно прижался к Сыту.

Сыту тоже заметил взгляд этого человека и почувствовал неладное. Однако, увидев, как ребёнок прижался к нему, он инстинктивно протянул руку, чтобы защитить его, посадив его на внутреннее место, а сам сел снаружи, чтобы заслонить его от этого пронзительного взгляда.

После того как они сели, Сыту взял прядь волос мальчика и тихо спросил:

— Ты его знаешь?

Хуан Баньсянь, боясь привлечь внимание, лишь слегка покачал головой, смотря с жалостью на свои волосы, которые держал Сыту.

Сыту отпустил его волосы и нежно убрал их за ухо. Его движения были мягкими и даже немного нежными, что выдавало в нём скрытую привязанность. Цзян Цин, наблюдавший за этим, подумал про себя: «Пора нашему главе обзавестись женой и детьми...»

Тем временем мужчина всё ещё стоял, с нахмуренными бровями, словно что-то обдумывая. Один из его подчинённых слегка дёрнул его за рукав и прошептал:

— Главнокомандующий...

Мужчина медленно сел, но его глаза выражали всё большее замешательство.

Увидев его реакцию, князь Жуй с удовлетворением поднял бокал и сделал глоток, а Цзинь Хэмин, сидевший на почётном месте, внутренне утвердился в своей мысли: этот Хуан Баньсянь определённо не прост.

Сыту, окинув взглядом всех присутствующих, понял, что происходит, и, наклонившись к всё ещё испуганному Хуан Баньсяню, спросил:

— Книжный червь, знаешь, кто это?

Хуан Баньсянь покачал головой.

— Это нынешний главнокомандующий, шурина императора, маркиз-защитник государства Ци И, — Сыту произнёс это с лёгкой усмешкой. — Он и князь Жуй — самые вероятные кандидаты на трон. Оба так заинтересованы в тебе, малыш. Что же в тебе такого особенного?

Услышав имя Ци И, Хуан Баньсянь вздрогнул, слегка нахмурился и начал размышлять. Чем больше он думал, тем бледнее становилось его лицо...

Сыту, увидев, как тот выглядит так, словно вот-вот упадёт в обморок, снова взял его за волосы и спокойно сказал:

— Не переживай, сейчас ты мой. Тебе нечего бояться. Я же сказал, что буду кормить и одевать тебя три года, и у тебя будет больше книг, чем ты сможешь прочитать.

Цзинь Хэмин слегка кашлянул, привлекая внимание всех присутствующих. Он первым поднял бокал, чтобы произнести тост, и начал говорить обычные вежливые слова...

Хуан Баньсяню стало скучно, и он начал оглядываться по сторонам, рассматривая других гостей.

Взгляд его остановился на столе, расположенном недалеко от них, где сидели люди в белых одеждах. Они выделялись среди остальных, и особенно привлекал внимание их предводитель — мужчина с изящными чертами лица, обладающий невероятной элегантностью. Хуан Баньсянь

замер, восхищённый его красотой, и невольно задержал взгляд на нём чуть дольше. Однако, как только его взгляд скользнул в сторону, мужчина резко поднял голову и уставился на него. Хуан Баньсянь испугался, широко раскрыв глаза и вздрогнув.

Мужчина, увидев, как Хуан Баньсянь напоминает испуганного зайца, вдруг беззвучно рассмеялся, его лицо выражало насмешку. Он продолжал смеяться, подмигнув ему.

Хуан Баньсянь понял, что его дразнят, и, ничего не сказав, опустил голову, но на его щеках заиграл румянец. Он чувствовал себя неловко, как вдруг Сыту резко дёрнул его за волосы, заставив чуть не вскрикнуть.

Сыту наклонился и тихо прошептал ему на ухо:

— Малыш, я же сказал, что ты мой на три года. Ешь моё, пей моё, а сам смотри на других?!

Лицо Хуан Баньсяня покраснело ещё сильнее, он опустил голову и больше не поднимал её.

Сыту было забавно наблюдать за этим ребёнком, который выглядел так, словно дулся.

Вскоре Цзинь Хэмин закончил свои формальные речи и приказал подавать еду и напитки. Однако никто из гостей не был здесь ради еды — все с нетерпением ждали появления Цзинь Сиюнь. Один из гостей за столом, отличавшийся нетерпеливостью, крикнул Цзинь Хэмину:

— Господин Цзинь, а когда же мы увидим вашу дочь? Мы все ждём!

Все обернулись на звук голоса и увидели, что за этим столом сидели люди, одетые не в традиционные китайские одежды, а скорее в стиле, характерном для народности цян. Хуан Баньсянь по их одежде понял, что это были цяны.

Сыту взглянул на них и, обернувшись к Му Линю, поднял бровь:

— Кто это?

Му Линь тихо ответил:

— Это наследный принц цянов, Ся Фэнь.

Цзинь Хэмин улыбнулся и кивнул, приказав слугам:

— Позовите мою дочь.

Слуги ушли, и вскоре из двора уверенно вошла женщина в красном платье.

Многие из присутствующих не смогли сдержать восхищённых возгласов, отмечая её красоту.

Хуан Баньсянь тоже с любопытством выглянул, чтобы взглянуть на неё. Женщина была невысокого роста, с миловидной внешностью, характерной для жительниц Шучжуна — милой и привлекательной.

Окружающие восхищались её красотой, а точнее, радовались тому, что она не уродлива. В сочетании с огромным состоянием её отца этого было достаточно.

Однако Сыту, взглянув на неё, обернулся к Хуан Баньсяню, скорчил гримасу и, дёрнув его за волосы, сказал:

— Это и есть первая красавица Шучжуна? Она даже тебе в подмётки не годится!

Хуан Баньсянь покраснел от этих слов, а Сыту рассмеялся:

— А когда ты краснеешь, то выглядишь ещё лучше!

Му Линь бросил на него сердитый взгляд, мысленно ругая: «Сыту, ты вообще понимаешь, что ведёшь себя как уличный хулиган, пристающий к девушкам?!»

Цзинь Сиюнь грациозно подошла к своему отцу и села рядом с ним. Она выглядела совершенно естественно, без намёка на девичью застенчивость.

Она окинула взглядом всех присутствующих, осмотрев каждый стол, и затем, прошептав что-то на ухо Цзинь Хэмину, поклонилась гостям и удалилась.

Цзинь Хэмин улыбнулся и сказал:

— Завтра я устрою состязание на вершине горы в усадьбе Хэмин. Соревнование будет состоять из двух этапов: литературного и боевого. Завтра начнётся литературный этап, и каждый из вас может взять с собой помощника.

Пир быстро закончился, и все разошлись, чтобы подготовиться к завтрашнему состязанию.

Сыту, вернувшись во двор, начал ворчать, приказав Му Линю собирать вещи и уезжать этой же ночью — эта женщина ему не понравилась.

Му Линь покачал головой:

— Если ты уедешь, все подумают, что ты испугался. Крепость Чёрного Облака не может позволить себе такого позора.

Сыту был раздражён, но в этот момент вошёл Цзян Цин и сообщил:

— Глава, Ци И хочет встретиться с Хуан Баньсянем.

Много позже Сыту спросил Хуан Баньсяня:

— Почему ты так любишь читать? Разве в книгах могут вырасти цветы?

Сяо Хуан мягко закрыл книгу и вместо ответа спросил:

— Сколько времени тебе нужно, чтобы написать один иероглиф?

— Один иероглиф? — Сыту пожал плечами. — Мгновение.

Он слегка коснулся бровей Сыту и тихо сказал:

— Всё, о чём ты думаешь в этот миг, отражается в этом иероглифе — радость или печаль... Некоторые тратят всю жизнь на написание одной книги. Прочитав её, ты переживёшь всю их жизнь — радость или печаль.

— Тогда почему ты только читаешь, а не пишешь?

— Возможно, я прочитал слишком много чужих историй и понял, что всё, что происходит со мной, — тоже всего лишь история... А каждая история когда-нибудь заканчивается. Я хочу написать свою, когда всё закончится.

<http://bllate.org/book/15274/1348287>